

Двухвариантная модель оплаты обучения в вузах России и постсоветских стран

Анна Смоленцева

Анна Смоленцева — ведущий научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ (Москва).

E-mail: asmolentseva@hse.ru.

Двухвариантная модель оплаты обучения — одна из особых моделей финансирования высшего образования, она существует лишь в странах бывшего Советского Союза (в большинстве из них), некоторых бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы и ряде африканских стран. В отличие от всех остальных используемых в мире моделей, которые предполагают либо взимание платы за обучение со всех студентов (так обстоят дела, например, в Англии, Нидерландах и США), либо полностью бесплатное образование (как в Германии или Финляндии), двухвариантная модель предусматривает, что к различным категориям местных студентов применяются различные правила. Этот подход был внедрен во всех 15 странах, некогда входивших в состав СССР, и по-прежнему применяется везде, кроме Эстонии. Различия в применении этой модели между отдельными странами незначительные.

В условиях данной модели абитуриенты делятся на две категории в зависимости от их успехов в учебе, которые оцениваются по результатам сдачи стандартизированных государственных экзаменов. Абитуриентов с высокими баллами зачисляются на бюджетные места. Остальные должны сами платить за обучение. В России сейчас около половины всех студентов государственных вузов платят за обучение; в большинстве других постсоветских стран этот показатель варьируется от 45 до 85%. В большинстве случаев вуз самостоятельно решает, сколько абитуриентов он примет на коммерческие места (вузы массового образования зачисляются столько абитуриентов, сколько они вообще могут найти и обучить). Минимальная проходная планка, устанавливаемая правительством, довольно низкая. Деньги, взимаемые со студентов, являются важным источником дохода и служат существенным дополнением к слабому бюджетному финансированию.

Студенты обеих форм обучения учатся вместе, но различия в критериях зачисления сопряжены с двумя различными типами стремлений, мотивации и стимулов у абитуриентов (выбирающих, куда поступать и как готовиться), вузов (выбирающих, каких абитуриентов куда привлекать и как) и государства (выби-

рающего, куда направлять финансирование). Внутри каждого государственного вуза наблюдается подобная дихотомия.

Двухвариантная модель как пережиток позднесоветского периода

Уже к 1980-м годам советская система высшего образования (программы 6-го уровня в соответствии с Международной стандартной классификацией образования) вышла на уровень массового охвата: примерно одна пятая всей молодежи в СССР получала высшее образование, в РСФСР — одна четверть, что вполне сравнимо с западными показателями того периода. Правительство пыталось активизировать социалистическую систему путем внедрения элементов экономической свободы и рыночной экономики — инструментов, набравших мировую популярность. Запущенная в 1980-х годах политика перестройки ознаменовалась кардинальными изменениями в системе государственного финансирования высшего образования: зародилось представление об образовании как услуге; государство перестало быть единственным источником финансирования образования; началась диверсификация источников финансирования; появилось частное финансирование; стало возможно негосударственное образование. Была надежда, что либерализация поможет справиться с закостенелостью советской системы, преодолеть системный перевес в пользу инженерного образования и уклон в сторону прикладного образования, а также создать динамичные и гибкие вузы.

После распада СССР в России и других бывших союзных республиках было принято новое образовательное законодательство, свидетельствующее о приверженности властей идее развития нового частного сектора и утвердившее частичную маркетизацию государственного сектора, где в дополнение к бюджетной форме обучения появилась коммерческая. Частные вузы не достигли большого охвата ни в России, ни в большинстве других постсоветских стран, зато маркетизация стала очень заметна в занимающем доминирующее положение государственном секторе.

Структура двухвариантной модели

Как описано выше, двухвариантная модель делит образование на два сегмента: меритократический (бюджетная форма обучения) и рыночный (коммерческая форма обучения).

Разделение на два сегмента обусловлено двумя различными типами конкуренции: в бюджетном сегменте конкуренция зависит от академических успехов, в коммерческом — от стоимости обучения. В элитных вузах, которые остаются высокоселективными за счет ограничения количества мест на коммерческой форме обучения, система отбора абитуриентов сочетает меритократический подход и рыночный.

Разделение на два сегмента обусловлено двумя различными типами конкуренции: в бюджетном сегменте конкуренция зависит от академических успехов, в коммерческом — от стоимости обучения.

В бюджетном сегменте стоимость обучения в расчете на одного студента централизованно определяется правительством, сами «получатели услуг» о том не ведают. Отбор абитуриентов производится на основе их ранжирования в зависимости от баллов, набранных по итогам экзаменов. Успехи в учебе (экзаменационные баллы) служат, таким образом, наряду с ценой обучения одним из сигналов конкурентной борьбы. Информация о минимальных и средних проходных баллах публикуется в открытом доступе, в результате чего у студентов и вузов формируется «иерархия значений».

В коммерческом сегменте зачисление зависит от оплаты. Стоимость обучения определяют сами вузы, и она может существенно варьироваться в зависимости от вуза и направления обучения. Студенты оплачивают обучение сразу и напрямую вузу, в отличие, например, от квазирыночных систем в Англии и Австралии, где стоимость обучения определяется правительством, студенты не платят вузам напрямую и сроки оплаты могут быть отложены до тех пор, пока человек не выйдет на определенный уровень трудовых доходов. Как и в США, в России вузы сами устанавливают стоимость обучения, однако, в отличие от американских вузов, в российских существует деление между студентами бюджетной формы обучения и коммерческой. Кроме того, в отличие от американской модели и некоторых других, в странах с двухвариантной моделью оплаты обучения не предусмотрены какие бы то ни было масштабные стипендиальные программы или программы финансовой помощи студентам, которые бы помогали им покрыть бытовые расходы, если не брать в расчет незначительные стипендии для определенных групп студентов.

Последствия

Подобная модель только усиливает образовательное неравенство, за что ее регулярно критикуют представители Европейской комиссии, Всемирного банка и ОЭСР. Меритократический путь, дающий возможность поступить на бюджетные места, в особенности в престижные вузы, связан с социально-экономическим неравенством: только представители обеспечен-

ных групп населения могут позволить себе отдать своих детей в престижную среднюю школу и нанимать репетиторов. Второй же путь открыт тем, у кого есть деньги. В отличие от относительно эгалитарной советской системы, нынешняя система с ее двумя вариантами поступления только способствует усилению неравенства.

Кроме того, текущая система подкрепляет стратификацию вузов. Поскольку сектор элитных вузов регулируется не рыночной конкуренцией и рыночными ценами, а репутацией, то высокая селективность вкупе с высокой ценой стали считаться признаком «качества» и престижа. Сектор обычных, неэлитных вузов подчиняется принципам рыночной конкуренции, так что двухвариантная модель приводит к появлению в вузах своеобразных и иногда неэффективных *практик*, направленных на оптимизацию государственного и частного финансирования. Нынешняя модель также способствует воспроизводству двойных стандартов социальной ценности (материальный/меритократический), при которых деньги играют решающую роль. А для абитуриентов, не имеющих возможности поступить на бюджетные места, она приводит к нормализации невысоких стандартов, когда деньги в высшем образовании ценятся выше учебных достижений.

Двухвариантная модель отбора абитуриентов и финансирования вузов оказала огромное влияние на развитие высшего образования в России и других странах бывшего СССР. Она одновременно способствовала массовизации высшего образования, расширению системы, стратификации вузов и усилению социального неравенства. Удивительно, что эта модель практически никогда не ставится под сомнение. Лишь Эстония отменила в 2012 году плату за обучение в государственных вузах для студентов, которые проходят программу в нормальном темпе. В Грузии продолжилась маркетизация: были введены образовательные ваучеры на оплату 100%, 70% или 50% стоимости обучения в зависимости от результатов экзаменов, появилась система грантов для нуждающихся и бюджетные места на программах приоритетных направлений, но в целом в 2018 году всего 19% первокурсников получили помощь в размере, полностью *покрывавшем* стоимость обучения. В начале 2000-х годов в нескольких российских регионах проходила пилотная программа по внедрению образовательных ваучеров, но она была свернута. Ваучерная система — это еще более жесткая версия нынешней двухвариантной модели, потому что при использовании ваучеров доступ к бесплатному высшему образованию еще в большей степени оказывается привязан к «заслугам» и, соответственно, к социальному неравенству.

Постсоветская двухвариантная модель вполне согласуется с получившей широкое распространение в мире идеей о том, что основная задача высшего образования — подготовка кадров, пригодных к трудоустройству, что является наследием теории человеческого капитала, которая обосновывает, почему

и власти, и отдельные люди должны инвестировать в высшее образование. И в *советское* время подготовка кадров, нужных экономике страны, считалась основной задачей высшего образования. Это одна из причин, почему *после* распада СССР нынешняя двухвариантная модель так хорошо прижилась в этом регионе.

Эта модель воспроизводит культурный барьер между эгалитарным, но эффективным с профессиональной точки зрения советским подходом к высшему образованию как общественному благу, с одной стороны, а с другой стороны — постсоветским восприятием высшего образования как частного блага, основанного на потребительском выборе и нормализующего неравенство. Двухвариантная модель, являющаяся пережитком советского прошлого, требует пересмотра и проверки на предмет соответствия критериям социальной справедливости, общественного благополучия и экономической эффективности, а также в более широком смысле — задачам высшего образования в условиях XXI века в целом.

Австралия и китайский вопрос

Энтони Уэлч

Энтони Уэлч — профессор наук об образовании Сиднейского университета (Австралия).

E-mail: anthony.welch@sydney.edu.au.

Австралийский университетский сектор отличается двумя яркими чертами, и обе они имеют отношение к образовательным и научным связям с Китаем. Несмотря на относительно небольшие размеры австралийской системы высшего образования с ее 1,6 миллиона студентов, целых шесть университетов страны входят в сотню лучших вузов мира согласно Шанхайскому рейтингу (ARWU). Это больше, чем, например, в гораздо более густонаселенной Канаде. Вторая особенность — это удивительно высокая доля международных студентов: в 2019 году иностранцы составляли 27% от общего числа студентов в стране. Среди них безоговорочно лидируют студенты из материкового Китая. Собственно, две эти особенности взаимосвязаны, потому что, по данным на 2019 год, иностранные студенты являлись источником 27% дохода университетов, и, по оценкам, примерно четверть средств, которые университеты тратят на науку, обеспечивается именно за счет денег иностранных студентов.

Международные студенты в Австралии

Количество международных студентов в стране активно росло на протяжении нескольких десятилетий, в результате чего международное образование стало в Австралии четвертой по объему из крупнейших экспортно ориентированных отраслей. Но одновременно с этим австралийские университеты оказались в огромной зависимости от денег международных студентов, в особенности китайских. Это, в свою очередь, связано с систематическим недофинансированием высшего образования, которое вынудило вузы заняться поиском новых источников дохода, в частности привлечением все большего числа самостоятельно оплачивающих свое обучение международных студентов.

Вся первая десятка стран, откуда в Австралию приезжает больше всего международных студентов, сосредоточена в Азии, что обусловлено географическим положением Австралии: это единственная крупная англоязычная образовательная система в южной части Тихого океана. Всего за 2017/18 учебный год Австралия заработала на международном образовании 32,4 млрд австралийских долларов (22 млрд долларов США), из них 22,2 млрд (16,6 млрд долларов США) — благодаря студентам из азиатских стран, в особенности из Китая. Выходцы из материкового Китая составляют в целом по стране 40% всех международных студентов, их доля гораздо выше в исследовательских университетах, входящих в так называемую «Группу восьми». В Сиднейском университете 24% студентов — китайцы. В 2018 году этот вуз заработал на иностранных студентах 885 млн австралийских долларов (664 млн долларов США), что составило 35% годового дохода. До пандемии COVID-19 в трех университетах Сиднея насчитывалось больше студентов из Китая, чем в 33 государственных университетах Калифорнии.

Квалифицированные мигранты из Китая

Австралия давно поощряет миграцию квалифицированных кадров, и получается, что одну из наиболее высококвалифицированных групп иммигрантов сейчас составляют выходцы из Китая, что несет за собой серьезные последствия для высшего образования. В среднем 15% научных и преподавательских кадров Австралии — люди азиатского происхождения. Как показывает статистика, число ученых и преподавателей из Китая за период с 2005 по 2015 год увеличилось втрое. Китайская научная диаспора, многие представители которой когда-то приехали в Австралию учиться в аспирантуре и затем осели в стране, становится все более заметной силой в австралийском высшем образовании. Эти люди нередко обладают крепкими связями с мощной китайской наукой и с ведущими китайскими университетами.